

Святой с луковкой в руке: реконструкция сакрального пространства на месте гибели блаженного два века спустя

Антонина Петровна Липатова

(Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова:
Российская Федерация, 432071, г. Ульяновск, пл. Ленина, д. 4/5)

Аннотация. Пространство получает особый статус вследствие «мифического «первособытия»» (В. Виноградов), понимаемого как иерофаня (М. Элиаде). Таким событием может стать смерть местночтимого святого, влекущая за собой почитание могилы подвижника. Почитание могил святых нельзя отнести к изученным. Предварительный подход к теме позволяет выделить две модели почитания: объект первичен / пространство вторично (перенос мощей приводит к сотворению нового почитаемого пространства), пространство первично / объект вторичен (пространство продолжает почитаться, несмотря на перенос мощей). Задача статьи — рассмотреть могилу местночтимого святого как особый тип сакрального пространства. Материалом для анализа послужили полевые записи, произведенные в процессе наблюдения за двумя крестными ходами в 2006 г. на могилу блаженного Васеньки, расположенную в лесу между Языково и Теньковкой — селами Карсунского района Ульяновской области. Юродивый Васенька жил здесь в XIX в. Он отличался праведным образом жизни, за что Господь послал ему чудесную смерть: рассказывают, что после смерти тело Васеньки сорок дней оставалось нетленным. Похоронили его на месте смерти — на той поляне в лесу, где было обнаружено его тело. Помимо «Васенькиной могилы» на исследуемой местности почитается расположенная на кладбище в Базарном Урене могила отца Василия — еще одного местночтимого святого, умершего в 1950 г. Информационный фонд и обрядовая сторона почитания о. Василия сформированы. Помимо могилы в лесу о жизни Васеньки блаженного из XIX в. напоминает его жизнеописание, составленное преподобноисповедником Гавриилом (Игошкиным), проживавшим в Базарном Урене в 1940-е гг. В статье осуществлена попытка оценить влияние письменного жития Васеньки, а также почитания о. Василия на конструирование культа блаженного Васеньки.

Ключевые слова: местночтимый святой, сакрализация пространства, конструирование сакрального пространства, фольклорная нескладочная проза, чудо, вариативность.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01265, проект «Специфика освоения человеком традиционного сакрального пространства в постсоветской России (на примере Ульяновской и Нижегородской областей)».

Дата поступления статьи: 23 июня 2023 г.

Дата публикации: 25 сентября 2023 г.

Для цитирования: Липатова А. П. Святой с луковкой в руке: реконструкция сакрального пространства на месте гибели блаженного два века спустя // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 3. С. 144–157.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.012>

Сакральные пространства создаются, конструируются. Святые места не умирают, поскольку «обладают способностью к регенерации. Они меняют свои имена и очертания, но окончательно не исчезают» [Бланк 2009, 846]. Их судьба, как правило, витиевата, популярность сменяется забвением, забвение — актуализацией; их разрушают — они возрождаются вновь, их запрещают — они почитаются тайно. Неслучайно исследователи наделяют корпус рассказов о святынях признаками цикла [Фадеева 2004а, 52–61; Виноградов 2019, 104].

Когда мы задаемся вопросом, каким образом то или иное пространство становится священным, мы попадаем в область антропологии религии. Статус пространства меняется вследствие иерофании¹, понимаемой как «проявление чего-то “потустороннего”, какой-то реальности, не принадлежащей нашему миру, в пределах, составляющих неотъемлемую часть нашего “естественного” мира, то есть в “мирском”» [Элиаде 2000, 225]. «Потустороннее» может явить себя в сакральном объекте (почитание мест явлений иконы) либо в святом человеке (почитание пространств, с ним связанных).

Несмотря на то что «почитание мощей святых и могил подвижников благочестия глубоко укоренилось в русской православной традиции», этот «пласт церковного благочестия и отечественной духовной культуры» еще мало изучен [Цеханская 2007, 20]. Задача статьи — рассмотреть могилу местночтимого святого как особый тип сакрального пространства. Материалом для анализа послужили полевые записи, осуществленные нами в процессе двух крестных ходов в 2006 и 2008 гг. на могилу блаженного Васеньки, расположенную в лесу между

Языково и Теньковкой — селами Карсунского района Ульяновской области.

Юродивый Васенька жил в данной местности в XIX в. Он отличался праведным образом жизни, за что Господь послал ему чудесную смерть. Рассказывают, что после смерти Васенька сорок дней пролежал нетленный — только щечка его, обращенная к солнцу, загорела. Захоронили Васеньку на месте смерти — на той поляне в лесу, где и было обнаружено его тело.

Первичное сакральное пространство, возникшее в процессе иерофании, может быть перенесено в процессе иеротопического творчества [Лидов 2009, 5–10]². Как замечает В.А. Шнирельман, сравнивая «традиционные» и «новые» религии, в рамках изучения первых речь идет, как правило, «о перемещении сакрального центра на новое место, как это неоднократно происходило с образом Иерусалима. В этом случае требовалось не только строго установить границы святого места, но, во-первых, максимально приблизить его к прототипу, по мере сил меняя ландшафт, топонимику и архитектуру, а во-вторых, наделить его святостью с помощью перенесения туда мощей, реликвий и прочих знаковых артефактов. Очень скоро вокруг такого места возникало множество фольклорных представлений, призванных лишний раз подтвердить его святость» [Шнирельман 2004, 3–4]. Показательный пример возникновения сакральных локусов вследствие переноса святыни — рассмотренный нами ранее случай сакрализации пространства на месте встречи копии со Смоленской иконы, сделанной тагайскими стрельцами во время морового поветрия [Антонова (Липатова) 2023, 50–56].

Относительно «иеротопического переноса», на наш взгляд, традиция распадается на два варианта: когда сакральный объект

¹ Понятие ввел румынский антрополог, историк религии Мирча Элиаде с опорой на труды Э. Дюркгейма и Р. Отто в книге «Священное и мирское» (1956) для ответа на вопрос, «как человек узнает о священном». Широкое повторение М. Элиаде вслед за Дюркгеймом слова «сакральное» «создало этому слову статус термина», а М. Элиаде принесло славу его создателя [Жердева 2008, 437–444].

² Создание сакральных пространств А.М. Лидов в 2002 г. предложил называть «иеротопией». Сакральное «пространство не может быть представлено как сколь угодно сложный синтез артефактов, поскольку имеет принципиально иную порождающую матрицу. Иеротопический подход позволяет выявить эту матрицу, определявшую замысел конкретного пространства, которому были соподчинены все видимые, слышимые и осязаемые формы. Важно осознать, что практически все предметы религиозного искусства изначально задумывались как конституирующие элементы “иеротопического проекта”, включенные во взаимосвязанную структуру особого сакрального пространства» [Лидов 2006, 12–13]. Критику подхода см.: [Шукуров 2010, 370–374; Давыдов 2012, 49–58] и др.

(мощи святого, икона) первичен, а пространство вторично и, наоборот, когда пространство первично, а объект вторичен.

Примером первого варианта может служить традиция возведения храмов на месте погребения мучеников (см.: [Цеханская 2007, 21])³. Показательно, что «мотив освящения места гибелью и страданиями героя» характерен для микрокосма баллад, в тексте которых «творение» святыни оказывается одним из вариантов метаморфозы тела героя, из которого возникают реалии окружающего мира». Наблюдается следующая тенденция превращения частей тела погибающего персонажа: тело, голова становятся церковью, крылья — алтарями, шея — иконой, косы — звездами, руки — свечами, ноги — порогами и свечами (подробнее см.: [Виноградов 2017, 107–108])⁴.

Частицы мощей, закрепленные в иконы, наличествовали в каждом храме. Существует обряд перенесения мощей. Сакральный объект (храм, часовня) вторичен, в данном случае относительно погребения «подвижников благочестия». Перенос мощей повлечет за собой появление нового почитаемого пространства.

Для Ульяновской области характерно захоронение местночтимых святых на территории уже имеющих сакральных объектов: кладбища (могила няньки Наташи в с. Сара Сурского района [Липатова 2012а, 213–227], о. Василий из с. Базарный Урень Карсунского района, о. Антоний из с. Ундоры Ульяновского района), храма (могила о. Максима из с. Тяпино Инзенского района [Липатова 2012б, 218–222]). Эти случаи — иллюстрация второго варианта (пространство первично, объект вторичен). Показательно, что в случае переноса святых мощей (в храм) в рамках этой модели

пространство захоронения продолжает почитаться. В д. Никандрово на оз. Городно (Любытинский район Новгородской области), например, «на деревенском кладбище до недавнего времени находилась могила прп. Никандра Городноозерского. Его мощи в конце 1990-х гг. были перенесены в церковь соседнего села Внута. Сейчас люди продолжают ходить к бывшему намогильному камню на погосте в Никандрово, оставляя обильные денежные подношения», — замечает В.В. Виноградов [Виноградов 2019, 33].

Полагаем, что почитание «Васенькиной могилки» занимает промежуточное положение между описанными двумя вариантами. С одной стороны, локус оказывается первичным. Разумеется, мы можем только на основании мысленного эксперимента предположить, что данное пространство будет почитаться независимо от того, захоронены ли там на самом деле блаженный (примета второго варианта конструирования сакрального пространства). Это примета второго варианта конструирования сакрального пространства. С другой — именно место гибели блаженного становится в дальнейшем почитаемым, что характеризует первую модель конструирования святого локуса.

Несмотря на достаточное удаление истории Васеньки от сегодняшнего дня, информация о нем сохранилась в народной памяти. Этому, на наш взгляд, способствовали артефакты, напоминающие о блаженном: могила в лесу в комплексе со святым родником, а также жизнеописание блаженного Василия, составленное канонизированным святым Преподобно-исповедником Гавриилом (Игошкиным) Мелекесским, проживавшим в Базарном Урене (соседнем с Теньковкой селе) в 1940-е гг., со слов местных жителей⁵. Тем

³ «Тогда же возник обычай помещать частицы мощей в запрестольные и напребстольные кресты, а также в иконы. Древняя Русь восприняла эту традицию с первых лет Крещения. В каждом православном храме верующие стремились иметь святыне мощи, свидетельствующие, что вся Церковь Небесная участвует в их молитвах» [Цеханская 2007, 21].

⁴ «Мотив смерти/творения» находим в сказках Русского Севера [Виноградов 2019, 109]. Этот мотив связан со смертью женского демонического персонажа, например Яги-бабы: «Куды голова пала — тут щельга, куды труп — там болото, куды ноги — тут крюки, куды руки — там грабли» [Карнаухова 2008, 180]. В аналитическом каталоге фольклорно-мифологических мотивов по ареалам Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина находим тип «Персонаж, которого влачат по земле или который бежит, разваливается на части либо ударяется о землю разными частями тела. Это определяет особенности ландшафта и флоры», распространенный на Балканах, в Средней Европе (у русских и украинцев), на Кавказе и в Малой Азии, в Балтоскандии, на Волге и в Перми (у татар и башкир), у народов Западной и Восточной Сибири [Березкин, Дувакин].

⁵ Почти «все важнейшие атрибуты развитого культа преподобного: почитание его могилы, Житие, служба и икона» [Мельник 2015, 279] в почитании Васеньки Теньковского наличествуют.

не менее информационный фонд данного персонажа нельзя отнести к разряду актуальной истории: поскольку уже нет живых участников или свидетелей событий, история начинает забываться.

«Васенькина могила» — не единственный сакральный объект, связанный с культом местночтимого святого, на исследуемой местности. На территории кладбища в Базарном Урене (соседнем селе с Теньковкой) почитается могила о. Василия, жившего веком позже блаженного Васеньки. Предположим, что бытование рядом с другим культом повлияет на формирование почитания «Васенькиной могилы». На эту особенность обратила внимание Л. В. Фадеева, исследовавшая почитание блаженной Катеньки Пятинской (с. Пятино Инзенского района Ульяновской области): рассказы о ней «встраиваются в своеобразный жизненный цикл, который бытует рядом с другим, более обширным житийным циклом рассказов об отце Максиме. Однако если почитание отца Максима — святого старца, жившего во второй половине XIX — начале XX в., вылилось в культ с почитанием места, где стоял его дом, и могилы, где покоится его тело, то по отношению к Катеньке говорит об этом еще рано» [Фадеева 2004а, 200].

Василий Дмитриевич Струев (1868–1950) — знаковая личность в православной истории региона. К Васеньке Уреньскому приходили за благословением и канонизированный святой преподобноисповедник Гавриил (Игошкин) Мелекесский, и епископ Софроний (Иванцов), возглавлявший Симбирскую архиерейскую кафедру с 1946 по 1947 г., и иеромонах Виссарион, бывший насельник Свято-Богородице-Казанского Жадовского монастыря. На сельском кладбище, где покоится прах старца, в день его памяти совершается служба. В отличие от информационного фонда Васеньки

блаженного из Теньковки, информационный фонд Василия Струева из Базарного Уреня сформирован и хорошо структурирован. Устная традиция подкрепляется письменным словом: по благословению архиепископа Симбирского и Мелекесского Прокла в 2003 г. была издана брошюра «Блаженный старец Василий (1868–1950)» (авт.-сост. — протоиерей Владимир Дмитриев, настоятель Богоявленского храма с. Прислониха Карсунского района Ульяновской области) [Дмитриев 2003], на которую часто ссылаются информанты; в сети Интернет (в том числе и на сайте епархии) содержится много информации об уренском святом, ее часто публикуют в местной прессе. Данная традиция актуальна для местных жителей, история совершалась на их глазах: практически у каждого человека на селе есть рассказ о том, как Васенька помог ему или его близким при жизни или после смерти.

В корпусе текстов о Василии Струеве присутствуют все типы рассказов, характерные для корпусов текстов о местночтимых святах: рассказы о том, как герой получил дар (святость); рассказы об особости, аномальности героя и спровоцированных ею сложностях в быту; рассказы о том, как герой помогал односельчанам при жизни (лечил, предсказывал, благословлял); нарративы о чудесной смерти; рассказы о посмертных чудесах святого (о структуре цикла рассказов о местночтимых святах см.: [Фадеева 2004а; Фадеева 2004б; Липатова 2010а; Липатова 2010б; Шеваренкова 2012] и др.).

Почитание могилы старца Василия сформировано⁶. В день его памяти на могиле организуется служба. По мнению рассказчиков, могила Васеньки отличается от могил его односельчан: «А вот вить сколько этот крест-то. С пятидесятого года. Другие-то уж все эти у нас с пятьсят

⁶ Как и почитание других локусов, связанных с биографией местночтимого святого. Почитаемы также, например, родник святого и территория дома: «А потом ходили в тот колодец. Я вот по своей памяти помню. Вот тетя Дуня, она вот лучше помнит. <Соб.: А что это за колодец?> Колодец? Все брали из этого колодца воду. Под горой вот. Мы близлежащие — нам здесь рядом. А они шли за километр в наш колодец. Почему?! Или как что это, он его, что говорил, отец Василий, чтоб они воду брали из того колодца» (Зап. от Валентины Николаевны Свининой, 1948 г.р., с. Языково, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. А. П. Липатова. 2006 г.) [ЛАА 04.11.2006]. Вода из родника Василия обладает необычными свойствами: «Наверно, освятил его. И вода стоит несколько лет и не портится. Никогда. Стоит как слеза. Вон у меня тридцать лет — и сейчас как слеза. Вот как люди были, а сейчас нет» (Зап. от Анастасии Петровны Лапшиной, 1922 г.р., с. Языково, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. А. П. Липатова. 2006 г.) [ЛАА 12.11.2006].

четвертого — он уж и сгнил, и всё. У нас вот дедушку 25 лет как схоронили — весь крест сгнил! Весь сгнил» (Зап. от Евдокии Федоровны Онурьевой, 1919 г.р., с. Языково, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. А.П. Липатова. 2006 г.) [ЛАА 04.11.2006]. Существует обычай прикладываться к кресту святого: «И я вчера (хоронили девушку. — А. Л.) долго. Заходила-выходила, прикладывалась к кресту. Много. Там много-то народу хоронило <...>. Прикладываются, прикладываются. Очередь к нему была!» (Зап. от Валентины Николаевны Свиной, 1948 г.р., с. Языково, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. А.П. Липатова. 2006 г.) [ЛАА 04.11.2006].

Приходить на могилу Васеньки можно в любой день: «На могилу ходят в любое время — когда память ему, когда кому захочется» (Зап. от Галины Ивановны Коробовой, 1938 г.р., с. Языково, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. А.П. Липатова. 2006 г.) [ЛАА 12.11.2006]; «Весь народ идет и — на Пасху — к своим родителям, потом к нему. И вчера были похороны девушки. Там всю Паску — служили Паску всё время начинают с его могилки. Да. Вот Паску поют. Накладут полную могилу!» (Зап. от Е.Ф. Онурьевой, 1919 г.р., см. выше). При этом необязательно совершать какие-то ритуалы: «Я болела. Четыре года я не спала ни день, ни ночь. Я. Вот. В церковь пошла. И к няму ушла на кладбище. И я ушла к няму на кладбище. Это страшно же чудо! Я пошла туды, постояла у него и пришла домой, я вот. Вся боль моя прошла (плачет. — А. Л.). Он был большой исцелитель. Он был большой помощник. Он молит Бога за нас грешных. Вот я молюсь тоже о нем» (Зап. от Екатерины Ивановны Яшиной, 1921 г.р., с. Языково, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. А.П. Липатова. 2006 г.) [ЛАА 04.11.2006]. Главное — искренне попросить святого: «Вот у меня пропал голос. А работать как? Бывало, сяду под корову, а меня караулит заведующий. И вот меня научили: иди сходи по колодцам — девять родников — возьми по кружке — и сходи. Вот мы с Мишенькой ходили сюда (на могилу Василия. — А. Л.) Я поставила водичку. Помолилась. Постояла возле него, попросила. Наутро встала — у меня голос появился» (Зап. от Е.Ф. Онурьевой, 1919 г.р., см. выше).

Во время службы верующие приносят и оставляют на могиле еду, бытовые

предметы: «Ходят-ходят. Как мы ведь. Нас горе приближает. Ходят. <Соб.: А что там — просят у него что-то?> Да. Да. Да. Я когда там горько или что ли, не селом, а задами пройду. И вот знаете — у нас тут Иркины жили. Благочестивая такая семья. <...> Они каждого — и страждущего, и больного, и глупого — всех вот привечали. <...> Смотрю — все просят у него на могилке. Просим, чтоб он за нас помолится. <Соб.: А землю не берете с могилы?> Прикладываем. А вот они, например, там складывают всё это вот: конфеты, мыло, соль, песок — и потом там это берут. Молются, а потом берут себе» (Зап. от В.Н. Свиной, 1948 г.р., см. выше).

На могилу приносят воду, а потом используют ее как святую: «Вот мы на могилу к отцу Василию ходили все время. Вот с тетей Налей Волковой зимой. Никола. Мороз сорок градусов — мы с ней пошли. Воды налили. Поставили на могилку воду в бутылках. Она читала, потом она меня заставила. И вот там читали с ней молитвы. Никого нет — мы с ней вдвоем. И воду привезли. Я ей голову мазала: вот так налью — и так руками — проходит» (Зап. от Е.Ф. Онурьевой, 1919 г.р., см. выше).

Вещи с могилы старца Василия обладают чудодейственной силой. Существует обычай брать с могилы землю, траву. «<Соб.: Земельку берут с могилы?> Бёру. Кто брали. Земельку я носила, когда это болела. Я с собой носила. Завяжу ее на голову — и вроде полегше» (Зап. от В.Н. Свиной, 1948 г.р., см. выше); «А вот одна женщина сидела без ног. Мы его память приехали сюда служить. Значит, она земельки кладет. Я думала, всю могилу разберут. Все с мешками, все землю кладут. Ну, думаю, отец Василий, всю землю унесем» (Зап. от Анастасии Николаевны Волковой, 1924 г.р., с. Базарный Урень, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. А.П. Липатова. 2006 г.) [ЛАА 04.11.2006]; «Великий человек. Бывало, пойдут летом на кладбище — всю могилу оборвут траву. И лечатся этой травой — и пьют каторы, и всё. Это великий человек. <...> Помогает. Это был великий человек, отец Василий» (Зап. от Анастасии Петровны Лапшиной, 1922 г.р., с. Языково, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. А.П. Липатова. 2006 г.) [ЛАА 12.11.2006].

Показательно, что посмертные чудеса на могиле святого связаны не только с исцелением от недуга. Согласимся

с В. В. Виноградовым, утверждающим, что «святой, наравне с почитаемым местом, оказывается коммуникативным каналом, связывающим два мира (человеческий и божественный). Через него божественное проявляется в земном. После смерти подвижника благочестия зримым местом общения с ним продолжает быть его могила. Люди сюда продолжают приходить для получения совета. Место упокоения старца превращается в место почитаемое» [Виноградов 2019, 100]. Посредством особых знаков, понятных носителям традиции, Васенька болящий и после своей смерти продолжает предсказывать: *«Мне тут один мужчина, вот мы ходили в прошлый раз, дал свечку. <Соб.: Это когда мы на кладбище к отцу Василию ходили?> Ну, да. Чтоб, мол, помолился чтоб отец Василий за нее (у него дочь очень болела). Свечку что-то прямо вот — не горит, и всё. А у меня в душе — я думаю — что-то не то. Несколько часов она не дожидается до девятнадцати лет»* (Зап. от В. Н. Свиной, 1948 г.р., см. выше).

Итак, почитание могилы о. Василия сформировано. Рассказы о его посмертных чудесах встраиваются в парадигму подобных рассказов (ср. рассказы о почитании, например, могилы няни Наташи из с. Сара Сурского района Ульяновской области [Липатова 2012а] и о. Максима из с. Тяпино Инзенского района Ульяновской области [Липатова 2012б]) и сопоставимы с ними.

Почитание «Васенькиной могилки» в лесу, бытующее рядом со сформированным культом могилы о. Василия, отличается от него. Различия обусловлены не только временной дистанцией, степенью удаленности от сегодняшнего дня, местоположением (территория «своего» (кладбище в селе) / территория «чужого» (в лесу, далеко от села)), но и разным сакральным статусом персонажей. Помимо этого, предположим, что соседское бытование нескольких культов может восприниматься традицией как избыточное. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим состояние почитания «Васенькиной могилки».

Составленное со слов местных жителей преподобноисповедником Гавриилом (Игошкиным), проживавшим в Базарном Урене в 1940-е гг., жизнеописание блаженного Василия позволяет проследить, как менялось отношение к данному пространству во времени.

В своем труде преподобноисповедник Гавриил опирался на канон жития. В его рассказе отражены следующие реперные точки данного жанра: появление в семье благочестивых родителей («Родители его были местные крестьяне. Жили они бедно, но это нисколько не мешало им проводить свою жизнь в трудах и христианском благочестии, они любили нищих и с усердием подавали от своей скудости милостыню, с любовью делились последним куском с подобно им самим нуждающимися. Всемерно стремились соблюдать посты и с благоговением почитали праздники Божию» [Гавриил 2005, 36]), праведная жизнь с ранних лет («С самых юных лет Василий отличался от своих сверстников кротостью, смирением, детской простотой и невинностью» [Там же]), необычная смерть, нетленное тело после смерти. Подробно описал Гавриил могилу святого, обычай ходить на нее во время засухи с всенощными молитвами и панихиду на могиле Васеньки, которую попросили отслужить местные жители в бытность преподобноисповедника в Базарном Урене.

Наиболее яркий эпизод жизнеописания — необычная смерть Васеньки. На первой неделе Петрова поста в среду в Базарном Урене организовывалась ярмарка. Во время ярмарки Васенька у торговли взял луковицу и ушел в лес. Больше его никто не видел. По прошествии времени его начали искать, но не смогли найти. Тело Васеньки обнаружили косари на сороковой день после ярмарки. «Лежал он, — замечает Гавриил, — в полном порядке, как покойник, приготовленный для погребения, лежал на спине лицом на северо-запад, руки крестообразно сложены на груди, пальцы правой руки сложены для крестного знамения, в левой руке держал зеленую луковицу, взятую на ярмарке у женщины, торговавшей зеленым луком» [Там же, 37]. На месте гибели собрался народ, и была совершена служба: «Всех поражала его безболезненная кончина. Когда видели его в последний раз, ничего в нем не видно было, что бы предвещало о его близкой кончине и о последних днях его земной жизни. Но когда он умер? — спрашивали все друг друга. По всем признакам для всех ясно было, что он умер в самый день ярмарки, когда он, взявши у женщины зеленую луковицу, ушел с базара из села совсем, и после того его уже никто ни в селе, ни в поле и ни в лесу

не видел. Ввиду рабочего времени и поле, и лес полны были народа, так что он живым скрываться столько времени нигде и никак не мог. Умерши же, он мертвым покойно лежал в траве, держа в руках зеленую луковицу. Тело его нисколько не подвергалось ни тлению, ни разложению, только левая щека, обращенная к солнцу, порозовела» [Там же, 38]. Поскольку «для признания останков почитаемого подвижника мощами мерилом для Церкви всегда служили происходящие от них чудеса» [Цеханская 2007, 22], Гавриил останавливается на этом отдельно. Помимо нетленности тела (чудо обязательное, но недостаточное), на поляне, где сорок дней пролежало тело, «кругом распространился аромат и благовоние, убеждавшее всех в святости жизни и Богоугодной кончине блаженного» [Гавриил 2005, 38].

Слух об обнаружении тела блаженного облетел весь район. Проститься с Васенькой поспешили «боголюбивые люди со всех окрестных сел. На месте обнаружения тела была отслужена панихида. Гавриил отмечает, что среди пришедших встал вопрос, где хоронить подвижника: на сельском кладбище (на этом настаивали односельчане Василия) или на месте кончины, выбранном самим блаженным (ср. мотив «икона сама выбирает место своего явления») (этого требовали богомольцы из окрестных сел).

По свидетельству Гавриила, похороны блаженного Василия были торжественными, проститься к ним пришло несколько тысяч человек. На месте гибели была возведена часовня: сначала деревянная, затем каменная⁷. Гавриил подчеркивает, что могила Василия «стала предметом всенародного почитания», и к ней «устремилась целая паломничества» [Там же]. Верующие собирались на святом месте на церковные праздники, во время засухи на всенощные молитвы, а также в день памяти блаженного (на первую среду Петрова поста), когда служилась панихида об успокоении его души и устраивались общие поминки. Поток верующих, по свидетельству Гавриила, только увеличивался: не было дня, чтобы кто-нибудь не посетил «Васенькину могилку».

После революции с целью «уничтожить память» о Васеньке часовню разрушили, могилу сровняли с землей. Верующие

пытались несколько раз восстановить надмогильный холм и крест, но святое место каждый раз разоряли. Какое-то время функцию креста на могиле выполняла берега, на которую посетители повесили иконы.

Несмотря на запрет, паломничество на «Васенькину могилку» не прекратилось, а, наоборот, стало осуществляться еще усерднее. Гавриил вспоминает, как ему пришлось, будучи в Базарном Урене, служить панихиду в день памяти Василия блаженного. Из воспоминаний Гавриила узнаем, что на панихиду, которую служил Преподобноисповедник в день памяти блаженного, собралось «около пяти тысяч человек, может быть и больше, из окружающих сёл и деревень двух смежных районов» [Там же, 40]. О. Гавриил замечает, что святые места в ту пору начинают выполнять функцию закрытых храмов. Поэтому народ шел помянуть не только Васеньку, но и всех своих усопших родственников. На могилу шли крестным ходом: с иконами и песнопениями. Верующие несли с собой еду (кутью и корзины с подношениями). Гавриил вспоминает, что помимо панихиды, длившейся около трех часов, ему пришлось совершить еще и Таинство причащения: причастившихся было около 300 человек. Действие закончилось общей поминальной трапезой, состоящей из куты, хлеба и подношений.

О том, что раньше «к Васеньке» ходило много народу, говорят современные рассказчики: *«раньше ходили на Васенькину могилку 300 человек»* (Зап. от Петра Егоровича Лысова, 1934 г.р., д. Теньковка, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. А. П. Липатова. 2006 г.) [ЛАА 06.06.2006].

По свидетельству местных жителей, крестные ходы на могилку к Васеньке совершались еще в 1970-е гг.: *«Когда-то очень давно в детстве мы даже косили сено прям около нее, прям около этой могилы. Там была такая ограда сделанная. Мы, когда в детстве с отцом косили, ну были тропки, народ ходил. Это было очень далеко. Называлось это “у конца вала”. Где-то в середине июля ходили на эту могилку. Шли просто старушки, пели молитвы, я шла вместе с ними. По этим тропам. Собирали цветы, там ромашки — все на свете — ну цветущий лес. <Соб.: А в какие годы вы ходили?> Ну, лет 50 назад.*

⁷ Следов которых, заметим, не осталось.

Где-то в 5-м классе я ходила, сейчас мне 63. Редко кто туда добирался. Шли человек десять, толпой, это надо в гору подняться и идти лесом километров 10, это далеко-далеко в лесу было. <...> Стояли они, пели, богослужением было, долго старушки пели, потом мы уходили назад, пели они у ограды, там клали подношения, еду, потом перекусывали и шли обратно» (Зап. от Любови Александровны Савушкиной, 1959 г.р., с. Языково, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. А.П. Липатова. 2023 г.) [ЛАА 22.05.2023].

Со временем традиция почитания «Васенькиной могилки» стала угасать. Остались единицы тех, кто поддерживал традицию. Жители Теньковки забыли местонахождение объекта: «У меня ходила вот тетка. И она завещала: Я умру, ходите вы теперь. <...> Она говорила: Тоня, ты теперь уреньска одна осталась, ходи каждый год. И вот я ходила, ходила и вот нашла. Надо ходить. Она ходила всегда. Из Теньковки многие ходили. <Соб.: С иконами? А правильно мы идем в среду?> Нет, в четверг. В четверг. Вот как только заговийшесь» (Зап. от Антонины Егоровны Осокиной, 1934 г.р., д. Малый Урень, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. А.П. Липатова. 2006 г.) [ЛАА 06.06.2006].

Об этом же свидетельствует современный корпус текстов о Васеньке. Рассказчики нередко демонстрируют незнание ответа на вопрос собирателя про Васеньку: «<Соб.: Расскажите нам про Василия>. Да чего мы знаем? Говорят, что вроде ушел он в лес, и когда его нашли — в руке... у него в руках была луковица» (Зап. от Елизаветы Сергеевны Савиновой, 1948 г.р., с. Языково, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. А.П. Липатова. 2006 г.) [ЛАА 12.11.2006].

Современные рассказчики на просьбу рассказать о Васеньке вспоминают только историю его необычной кончины: «Блаженный Василий. Был базар. Ярманка вот в Урене. И он был блаженным. Считали его глупым. Но он предсказывал» (Зап. от А.Н. Волковой, 1924 г.р., см. выше); «Он взял луковицу на базаре и ушел. Его там искали, искали. И нашли его в лесу, вот там, где крест, оградка. Ну, могила где — его скоронили тама. И у него в руке была луковица, и она выросла — зелена была. Туда ходили все сёлы к нему на могилку. <Соб.: А почему луковка?> Ну, вот он сколько пролежал. Луковица выросла. Вот как

заговеемся, Петровский пост, и в четверг все шли туды — и Теньковка, и Урень — с иконами ходили — все встречали» (Зап. от Г.И. Коробовой, 1938 г.р., см. выше); «Там могила загорожена. Ограда. Я была там. <...> Ходил по базару. Продавали зеленый лук. И вот у него штук пять перышков. И вот он, значит, вечером из Уреня, из Маленького Уреня, и он попал туды в лес. И у него в руке лук расцвел. И вот ходили готовили лес и напали на него. И вот, значит. Там могила. И крест. <Соб.: Он тоже обладал таким вот даром?> Да! У кого возьмет. Идет по базару. Ему кричат: «Васенька, на-ка денег!» — «Не надо, у меня полно!» Юродивый он был. Вот так. Говорили все: будут мощи тут. Это, значит, и сбылось. А от которых берет: «Ну, спасибо, Господи, помилуй. Продадите!» И те всё продадут. Вот как были люди, а щас нет. <...> И там мужики готовили лес. И там напали на него: батюшки, это что за человек?! И в руке расцвел лук у него. Все туда ходили» (Зап. от В.Н. Свиной, 1948 г.р., см. выше).

Разумеется, устные рассказы начинают жить самостоятельной жизнью: в них появляются новые детали, старые подробности осмысливаются по-новому, но опора на текст о Гавриила все-таки угадывается. «Вот что от старых людей слышал. Он уходил. И люди, и родственники уже привыкли, что его нету. Он же был юродивый. Христа ради. Его нашли... Жара была такая, вот как сейчас. Жара. А он не по жаре одетый был. Он пропал — больше месяца прошло. И родители говорили, что он пропадает. Пропадет, а потом опять придет. Он сюда (место, где его могила в лесу) приходил молиться. А вот его родничок. Из него он пил. Придет молиться, а потом уйдет. И опять ходит по миру. Он же вполне здоровый. Он юродивый — он обличал и всё. Его дурачком считали, а он юродивый. И вот он пришел в Базарный Урень — вот он почему так назван — базар тут был. Вот он пришел перед смертью. Походил по базару, поговорил, подходит к возу одному из торговцев луком — и с возу прям взял лук. И ушел. И пропал. Неделя нет, две, три, месяц, больше... Уже родственники забеспокоились. Начали искать уже. Не найдут его по ближайшим селам. Не найдут. И вот его здесь нашли. <...> Ну, там вот нашли его. На восток головушкой — видно, как молился. И вот

эта щечка, которая к солнышку, она загоревшая. В правой руке — луковка с зелеными перьями. И он как сейчас лег. Нетленен. Вот что я слышал от старых людей» (Зап. от П. Е. Лысова, 1934 г.р., см. выше).

Не только новые детали появляются в устных рассказах (*«он не по жаре одетый был»*), но и меняется оценка самого образа. Васенька Гавриила «любил помогать безродным старушкам и бедным вдовам с малолетними детьми. Нарубит, наколет им дров, натаскает воды, а в летнее время поможет приготовить сено и корм для скота и убрать с поля хлеб. И всё бесплатно, ни у кого ничего он за свой труд не только не требовал, но даже не просил. Трудился он один, тихо напевая про себя во время работы церковное песнопение, особенно любил петь Херувимскую песнь» [Духовное наследие 2005, 38]. Он был трудолюбивым и мог себя обеспечить: «Хотя здоровьем был слаб и часто хворал, однако трудился неленостно, трудами своими не только мог содержать себя, но и приносил пользу приютившим его» [Там же, 36]. Такая оценка встречается и в устных текстах. Особенно это заметно в рассказах тех информантов, которые знакомы с жизнеописанием: *«Ходил он по людям. Вот когда он по людям ходил, он, значит, наставлял, призывал к вере — ко всему»* (Зап. от П. Е. Лысова, 1934 г.р., см. выше).

Но чаще в современных устных рассказах Васенька — «дурачок», «блаженный», «юродивый», «глупый»: *«Он юродивый — он обличал и всё. Его дурачком считали, а он юродивый»* (Зап. от П. Е. Лысова, 1934 г.р., см. выше); *«И он был блаженным. Считали его глупым»* (Зап. от А. Н. Волковой, 1924 г.р., см. выше). Другая сторона медали этой необычной природы — особый дар, про который, кстати, о. Гавриил не упоминает: *«Все как будто он предсказывал. А так-то он как этот... как глуповатый был»* (Зап. от А. Н. Волковой, 1924 г.р., см. выше); *«Считали его глупым.*

Но он предсказывал» (Зап. от Г. И. Коробовой, 1938 г.р., см. выше).

Особенность цикла о любом сакральном объекте — это встроенность, вплетенность его истории в настоящее⁸. Последнее призваны обеспечивать рассказы о чудесах, происходящих на святом месте. В. В. Виноградов пишет, что «по признаку времени действия» повествования о почитаемых святынях подразделяются на два цикла: «События одного происходят в прошлом и относятся к неким мифическим “первособытиям”. Суть другого цикла — частные следствия “главного” чуда у святыни» [Виноградов 2019, 104]. «Мифическое “первособытие”» в культе Весеньки болящего основательно проработано⁹, «частные следствия “главного” чуда у святыни» — объяснительные составляющие любого культа — практически отсутствуют. К. В. Цеханская отмечает, что «в истории зафиксированы случаи, когда тела почитаемых при жизни усопших, сохранившиеся в нетлении, не признавались за святыни, если от них не происходили чудотворения» [Цеханская 2007, 23]. Именно «частные следствия “главного” чуда у святыни» обеспечивают вплетенность в настоящее, гарантирующую, в свою очередь, актуальность (или актуализацию) представлений о святом месте: на могиле должны происходить исцеления, паломники, пришедшие на могилу, должны получать помощь.

Анализ цикла рассказов о Василии Струеве из Базарного Уреня показал, что в нем блок «частных следствий “главного” чуда у святыни» очень развернут. Рассмотрим особенности информационного фонда «Васенькиной могилки» — культа, берущего свое начало в XIX в.

Сейчас «Васенькина могилка» на поляне в лесу обустроена: присутствует могильный холм, возведена оградка, установлен крест. Неподалеку в лесу очищен «Васенькин» родник. Несколько лет подряд местные жители со священником протоиереем

⁸ Это же свойство характерно для легенды, которой, по мнению исследователей, удается «сплести в нервные узлы прошлое и настоящее» [Новичкова 2001, 219]. Легенда рассказывает всегда «о событиях или явлениях, которые воспринимались исполнителями как продолжающиеся в современности» [Чистов 1967, 335]. Цикличность легенды «требует» и точки отсчета (инициальность «прасобытия», выполняющего иерофатическую функцию), и повторяемости.

⁹ Нетленное тело — чудо, которое можно считать «в русской традиции одним из ранних примеров почитания мощей». Это чудо произошло с телом святителя Игнатия, епископа Ростовского (1288), «когда еще до погребения оно ознаменовалось нетлением и исцелениями от него» [Цеханская 2007, 22–23].

Владимиром Дмитриевым, настоятелем Богоявленского храма с. Прислониха Карсунского района Ульяновской области — совершают крестный ход к ней в день памяти блаженного.

Поскольку какое-то время «Васенькина могилка» была заброшена, о ритуальных практиках на данном сакральном объекте информанты говорят неуверенно. Из повествования Гавриила мы узнаем о совместной трапезе, о панихидах по умершим на могиле. Показательно возведение часовни на могиле в лесу. Во времена советской власти, как замечает автор жизнеописания, святое место начинает выполнять функцию закрытых церквей. Анализ показал, что современные носители традиции не знают, что нужно делать на могиле Васеньки. Отвечая на вопрос собирателя, они начинают конструировать реальность на основе имеющегося у них знания традиции: «<Соб.: А вот у этого Василия лечатся на могилке, а у того можно было лечиться?> Ну, я не знаю, можно, наверно. Раз юродивый был. Ведь он не день валялся на земле, а базарный день воскресенье — неделю или две, — и он ничего не портился, а расцвел лук» (Зап. от А. П. Лапшиной, 1922 г.р., см. выше).

Отрефлексированным, на наш взгляд, остаются только молебствования во время засухи: «Не было дождя, и мы ходили туда, а оттуда — невозможно! Вот какой — прям небо раскрывалось — и гром и дождик! Ага. Брели иконы и с иконными ходили туды к отцу Василию» (Зап. от А. П. Лапшиной, 1922 г.р., см. выше); «В лес к Васе <ходили> молеbstвовать о дожде» (Зап. от Веры Арсеньевны Котовой, 1927 г.р., с. Языково, Карсунский р-н, Ульяновская обл. Соб. А. П. Липатова. 2006 г.) [ЛАА 04.11.2006]; «Ходили мы на “Васенькину могилку” за дождем, когда засуха начиналась. Однажды председатель колхоза, татарин, наслышанный о нашей традиции, пришел к моей матери, зная, что в этом деле она закоперщица. Так вот, председатель и говорит: “Настасья, дождик нет!” — “Так я ведь не Господь...” — “Давай, веди людей к “Васенькиной могилке”, к родник, молись, Бог дождик даст”» (Зап. от П. Е. Лысова, 1934 г.р., см. выше).

Частные следствия «главного» чуда у святыни, такие необходимые, на наш взгляд, в процессе актуализации информации о ней, в корпусе текстов

о «Васенькиной могилке» заменяются описанием переживания природы сакрального места.

Показательно, что своими переживаниями могилы, ставшей «предметом всенародного почитания», делится с читателями и преподобноисповедник Гавриил. Автор жизнеописания старается придать статус чуда любым — нередко субъективным — переживаниям. Приведем несколько примеров «чудес» на могиле блаженного: «Солнце в самом зените не жгло палящими лучами, а ласково согревало всех. Наполняя сердце людей любовью к Богу и милосердием к ближним. Воздух был наполнен благовонным ароматом, как будто небо соединилось с землей, и Ангелы Божьи Навевали с небесных высот аромат. Деревья и весь лес, окружавший всех шелестом листьев своих, как бы приветствовали людей с примирением с Богом и наклоением верхушек своих выражали всем свою радость и торжество» [Гавриил 2005, 46]; «Вместе со всеми: с умершими и живыми людьми, казалось, молилась и вся природа, лес и деревья, трава и цветочки, птички и насекомые, все своим движением, дыханием, щебетанием и шелестом вторили людям “со святыми упокой”» [Там же, 42]. Поэтическое описание природы, как бы с паломниками переживающей торжественность момента, трудно отнести к «каноническим» чудесам на святом месте. То же самое можно сказать и о субъективном ощущении Гавриила легкости после трудного дня: «Около 8 часов вечера вернулись домой, окрыленные радостью, не чувствуя усталости и переутомления» [Там же, 47].

Интересно, что о подобных «чудесах» повествуют и современные рассказчики. Петр Егорович, например, вспоминает: «Я себя плохо чувствовал. Пришел сюда, лег на могилку. Обратно шел невесомый — трава под ногами не гнетась»; «Вот шел сюда, усомнился, правильной ли дорогой иду, и мне как будто кто-то подсказал, как правильно»; «Вот раз было... чудо. Шел от Васеньки, чуть не расшибся. Чудом выжил. Подскочил на велосипеде. Мог расшибиться. А ты знаешь что: пошел к Васеньке и не помолился» (Зап. от П. Е. Лысова, 1934 г.р., см. выше).

Рассказчики в большей степени сосредоточены на передаче субъективных переживаний, спровоцированных посещением

святого места, нежели на описании реальной помощи (прошел зуб, рука): «Я сам лежал (на могиле. — А. Л.). <...> 2 раза. Я, правда, лечу, я, по-моему, и не касаюсь земли. У меня энергия кипит во всех жилах. Силы хоть отбавляй. Как у семнадцатилетнего» (Зап. от П. Е. Лысова, 1934 г.р., см. выше). Перед нами, разумеется, не канонические чудеса — обязательные составляющие цикла о почитаемых пространствах, а попытка передать свое внутреннее состояние и впечатление от посещения объекта.

Итак, говорить о сформированном культе и информационном фонде Васеньки блаженного не приходится: рассказы не выстраиваются в привычный цикл. Предположим, что подобная ситуация наблюдалась и в 1940-е гг.: попытка Гавриила написать историю Васеньки в житийный канон выглядит формальной. Поскольку народная память не сохранила ничего, кроме эпизода необычной смерти, наблюдается некоторая растерянность носителей традиционной культуры, спровоцированная непониманием того, чем вызван данный культ. При этом важно отметить и некоторую актуализацию почитания Васеньки: например, на вопрос собирателя о наличии у них святых объектов собеседники начинают рассказывать о необычной «Васенькиной могилке» в лесу, а не о захоронении о. Василия на местном кладбище.

Могилка Васеньки блаженного не встраивается в парадигму почитания подобных объектов на исследуемой территории. Расположение могилы необычно:

она находится на поляне в лесу (в зоне нечистого, далеко от села¹⁰), а не на территории кладбища (зона освещенного, близко — в самом селе).

Марьяна Детелич, исследуя мотив смерти в лесу героя эпических поэм балканских славян, приходит к выводу, что анализировать его необходимо в контексте традиции отказа «нечистым покойникам в церковном погребении». Лес при этом всегда понимается как опасное и пугающее место, наделение «хтоническими характеристиками», как «локус с максимально возможным количеством негативных коннотаций». По мнению исследователя, «те, кого смерть застала в лесу», попадали в категорию нечистых покойников, «поскольку они погибали или от высших сил, или были убиты во время внезапного нападения». Согласно сербской традиции, «погибальцев» хоронили «там, где они умерли — у дороги, в саду, на месте гибели» [Детелич 2014, 105–109].

Захоронение Васеньки далеко от населенных пунктов сделало почитание его могилы закрытым для праздной публики: найти объект самостоятельно, без провожатых, практически невозможно.

Неоднозначность трактовок необычного святого места, невстраиваемость в парадигму почитания подобных объектов приводит к тому, что каждый посетитель данного сакрального локуса (в том числе и времен Гавриила) чувствует себя своего рода неопитом, переживающим сложное религиозное чувство.

Источники и материалы

Березкин, Дувакин — Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Где спиной — буераки, где головой — красные маки // Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/b110.html> (дата обращения: 09.03.2023).

Гавриил 2005 — Духовное наследие преподобноисповедника Гавриила, архимандрита Мелекесского. Симбирск: [Печат. двор], 2005.

Дмитриев 2003 — Блаженный старец Василий: (1868–1950) / [Авт.-сост. протоиерей Владимир Дмитриев]. Ульяновск, 2003.

Карнаухова 2008 — Сказки и предания Северного края. В зап. И. В. Карнауховой. М.: Фонд поддержки экон. развития стран СНГ, 2008.

Элиаде 2000 — Элиаде М. Священность природы и космическая религия // Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; обряды и символы; Священное и мирское. М.: Ладомир 2000.

¹⁰ Последнее подчеркивают наши рассказчики: «Это было очень далеко. Называлось это “у конца вала”. <...> Шли человек десять, толпой, это надо в гору подняться и идти лесом километров 10, это далеко-далеко в лесу было. <Соб.: Получается, они приносили еду и ели все вместе на могиле?> А как же?! Путь-то длинный. Перекусывали и шли обратно» (Зап. от Л. А. Савушкиной, 1959 г.р., см. выше).

Исследования

Антонова (Липатова) 2023 — Антонова (Липатова) А. П. Как тагайские стрельцы за иконой ходили (состязание за святую как попытка ее приватизации) // Русская традиционная культура сегодня: экспедиционные и архивные открытия / Под ред. М. Г. Матлина. Ульяновск: УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2023. С. 50–56.

Бланк 2009 — Бланк К. Иеротопия сокровенного града: невидимый Китеж, никоновский Новый Иерусалим и петровский Парадиз // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М.: Индрик, 2009. С. 837–849.

Виноградов 2019 — Виноградов В. В. Северорусские почитаемые места: топика святых: Избр. статьи, диссертация / Сост. Е. В. Хаздан. СПб.: Пропповский центр, 2019.

Давыдов 2012 — Давыдов И. П. От иконописи — к иконики (критический анализ эпистемы православной иконологии) // Вестник ПСТГУ. Сер. Богословие, Философия. 2012. № 2 (40). С. 49–58.

Детелич 2014 — Детелич М. Могила в лесу: взаимодействие пространственного и растительного кодов в эпосе // Традиционная культура. 2014. № 2 (54). С. 105–122.

Жердева 2008 — Жердева А. С. Осмысление понятия «сакральное» в современном философском дискурсе // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Философия. Социология. 2008. Т. 21 (60). № 1. С. 437–444.

Липатова 2010а — Липатова А. П. Образ святого человека в русской традиционной культуре (на материале Ульяновского Присурья) // Образный мир традиционной культуры: Сб. ст. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 59–76.

Липатова 2010б — Липатова А. П. Дурак и святой: игра с реальностью или игра в реальность // Личность: игра и реальность. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 215–235.

Липатова 2012 — Липатова А. П. Болящие // Традиционная культура Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь. Т. 1. М.: Индрик, 2012а. С. 213–227.

Липатова 2012б — Липатова А. П. Отец Максим (персона) // Традиционная культура Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь. Т. 2. М.: Индрик, 2012. С. 218–228.

Лидов 2006 — Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Т. 1: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М.: Индрик, 2006. С. 9–31.

Лидов 2009 — Лидов А. М. Новые Иерусалимы. Перенесение Святой Земли как порождающая матрица христианской культуры (введение) // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М.: Индрик, 2009. С. 5–10.

Мельник 2015 — Мельник А. Г. Практики почитания «своих» святых в Спасо-Прилуцком монастыре в XV–XVI вв. // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 278–283.

Новичкова 2001 — Новичкова Т. А. Эпос и миф. СПб.: Наука, 2001.

Фадеева 2004а — Фадеева Л. В. Рассказы о блаженных и прозорливых в Инзенском районе Ульяновской области. Катенька Пятинская // Актуальные проблемы фольклористики. Вып. 3. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 200–217.

Фадеева 2004б — Фадеева Л. В. Рассказы о местнотимых святынях: к проблеме цикла // Матер. VI Междунар. школы молодого фольклориста (22–24 ноября 2003 г.). Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2004. Вып. 2. С. 52–61.

Цеханская 2007 — Цеханская К. В. Почитание мощей святых и могил подвижников благочестия: истоки и современные формы // Традиции и современность. 2007. № 6. С. 20–36.

Чистов 1967 — Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967.

Шеваренкова 2012 — Шеваренкова Ю. М. Новомученица Дуняша Суворовская: житие устное и книжное // Живая старина. 2012. № 1. С. 11–14.

Шнирельман 2014 — Шнирельман В. А. Места силы: Конструирование сакрального пространства. Введение к дискуссии // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 3–9.

Шукуров 2010 — Шукуров Р. М. Создание сакральных пространств. Две новые публикации // Византийский временник. 2010. Т. 69. С. 370–374.

© А. П. Липатова, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Липатова А. П. <https://orcid.org/0000-0002-9041-1342>

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова: Российская Федерация, 432071, г. Ульяновск, пл. Ленина, д. 4/5; тел.: +7 (8422) 44-11-58; e-mail: antonina.antonina282@yandex.ru

A Saint with a Scallion in His Hand: Reconstruction of the Sacred Space at the Site of a Saint's Death Two Centuries Later

Antonina P. Lipatova

(Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov:
4/5, Lenina sq., Ulyanovsk, 432071, Russian Federation)

Summary. The purpose of this article is to consider the grave of a saint as a type of space that acquires special status thanks to hierophany (M. Eliade). The death of a locally venerated saint may thus serve as a “mythical first event” (V. Vinogradov) that entails further veneration of the holy one's resting place. Such is the case with Vasenka the Blessed, whose veneration has been revived in recent years. The article is based on field recordings made during two religious processions in 2006 to Vasenka the Blessed's grave, located in the forest between Yazykovo and Tenkovka — villages of the Karsunsky district, Ulyanovsk region. Saint Vasenka lived in the nineteenth century. He was a holy fool, distinguished by his righteous way of life, for which the Lord sent him a miraculous passing: after his death, Vasenka's body is said to have remained uncorrupted for forty days. St. Gabriel (Igoshkin), who lived in Bazarny Uren in the 1940s, compiled a saint's life of Vasenka, who was buried at the place of his death, a clearing in the forest. The grave of another saint, Father Vasily, who died in 1950, is located in the nearby Bazarny Uren cemetery. Father Vasily and his grave are also revered, and with a very well-developed ritual practice. The article attempts to assess the influence of Vasenka's saint's life and the veneration of Father Vasily on the (re)construction of the cult of Vasenka the Blessed. Furthermore, the author describes two models of veneration. In the first, the object of veneration is primary and the place is secondary (the transfer of relics leads to the creation of a new venerated space). In the second, the place is primary and the object of veneration is secondary (the place continues to be venerated despite the removal of the relics). She describes the case of Vasenka the Blessed as occupying an intermediate position between the two.

Key words: locally venerated saint, the sacralization of space, the construction of sacred space, folklore non-narrative prose, miracle, variability.

Received: June 23, 2023.

Date of publication: September 25, 2023.

For citation: Lipatova A. P. A Saint with a Scallion in His Hand: Reconstruction of the Sacred Space at the Site of a Saint's Death Two Centuries Later. *Traditional Culture*. 2023. Vol. 24. No. 3. Pp. 144–157. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.012>

References

Antonova (Lipatova) A. P. (2023) Kak tagaiskie strel'tsy za ikonoi khodili (sostyazanie za svyatynyu kak popytka ee privatizatsii) [How Tagai Archers Went After an Icon (Competition for a Shrine as an Attempt to Privatize It)]. In: Russkaya traditsionnaya kul'tura segodnya: ekspeditsionnye i arkhivnye otkrytiya [Russian Traditional Culture Today: Expeditionary and Archival Discoveries]. Ed. by M. G. Matlin. Ul'yankovsk: UIGPU im. I. N. Ul'yankova. Pp. 50–56. In Russian.

Blank K. (2009) Ierotopiya sokrovennogo grada: nevidimyi Kitezh, nikonovskii Novyi Ierusalim i petrovskii Paradiz [Hierotopia of a Hidden City: Invisible Kitezh, Nikon's New Jerusalem and Peter's Paradise]. In: Noveye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv [New Jerusalem. Hierotopia and Iconography of Sacred Spaces]. Moscow: Indrik. Pp. 837–849. In Russian.

Vinogradov V. V. (2019) Severorusskie pochitaemye mesta: topika svyatyn'. Izbrannye stat'i, dissertatsiya [North Russian Revered Places: The Theme of Shrines. Selected Articles, Dissertation].

Comp. by E. V. Khazdan. St. Petersburg: Propovskii tsentr. In Russian.

Davydov I. P. (2012) Ot ikonopisi — k ikonike (kriticheskii analiz epistemy pravoslavnoi ikonologii) [From Iconography to Iconics (Critical Analysis of the Epistemy of Orthodox Iconology)]. *Vestnik PSTGU. Ser. "Bogoslovie, Filosofiya"* [Bulletin of the PSTGU. Series "Theology, Philosophy"]. 2012. No. 2 (40). Pp. 49–58. In Russian.

Detelich M. (2014) Mogila v lesu: vzaimodeistvie prostranstvennogo i rastitel'nogo kodov v epose [Grave in the Forest: Interaction of Spatial and Plant Codes in the Epic]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2014. Vol. 15. No. 2 (54). Pp. 105–122. In Russian.

Zherdeva A. S. (2008) Osmyslenie ponyatiya "sakral'noe" v sovremennom filosofskom disкурse [Understanding the Concept of the "Sacred" in Modern Philosophical Discourse]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo un-ta im. V. I. Vernadskogo. Ser. "Filosofiya. Sotsiologiya"* [Scholarly Notes of V. I. Vernadsky Tauride National University. Series "Philosophy. Sociology"]. 2008. Vol. 21 (60). No. 1. Pp. 437–444. In Russian.

Lipatova A. P. (2010a) Obraz svyatogo cheloveka v russkoi traditsionnoi kul'ture (na materiale Ul'yanovskogo Prisure'ya) [The Image of a Holy Man in Russian Traditional Culture (Based on the Material of the Ulyanovsk Region)]. In: *Obraznyi mir traditsionnoi kul'tury: Sb. st. [The Figurative World of Traditional Culture: A Collection of Articles]*. Moscow: GRTsRF. Pp. 59–76. In Russian.

Lipatova A. P. (2010b) Durak i svyatoi: igra s real'nost'yu ili igra v real'nost' [The Fool and the Saint: A Game with Reality or a Game in Reality]. In: *Lichnost': igra i real'nost' [Personality: Game and Reality]*. Moscow: IEA RAN. Pp. 215–235. In Russian.

Lipatova A. P. (2012a) Bolyashchie [Blessed]. In: *Traditsionnaya kul'tura Ul'yanovskogo Prisure'ya. Etnodialektnyi slovar' [Traditional Culture of the Ulyanovsk Region. Ethnodialectal Dictionary]*. Vol. 1. Moscow: Indrik. Pp. 213–227. In Russian.

Lipatova A. P. (2012b) Otets Maksim (persona) [Father Maxim (Persona)]. In: *Traditsionnaya kul'tura Ul'yanovskogo Prisure'ya. Etnodialektnyi slovar' [Traditional Culture of the Ulyanovsk Region. Ethnodialectal Dictionary]*. Vol. 2. Moscow: Indrik. Pp. 218–228. In Russian.

Lidov A. M. (2006) Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv kak vid tvorchestva i predmet istoricheskogo issledovaniya [Hierotopia. The Creation of Sacred Spaces as a Kind of Creativity and as Subject of Historical Research]. In: *Ierotopiya. T. 1: Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi. [Hierotopia. Vol. 1: The Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Ancient Russia]*. Moscow: Indrik. Pp. 9–31. In Russian.

Lidov A. M. (2009) Novye Ierusalimy. Pere-nesenie Svyatoi Zemli kak porozhdayushchaya matritsa khristianskoi kul'tury (vvedenie) [New Jerusalems. The Holy Land as a Generative Matrix of Christian Culture (Introduction)]. In: *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv [New Jerusalems. Hierotopia and Iconography of Sacred Spaces]*. Moscow: Indrik. Pp. 5–10. In Russian.

Melnik A. G. (2015) Praktiki pochitaniya "svoikh" svyatykh v Spaso-Prilutskom monastyre v XV–XVI vv. [Practices of Veneration of "Their" Saints in the Spaso-Prilutsky Monastery in the Fifteenth–Sixteenth Centuries]. *Yaroslavskii pedagog-*

icheskiy vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2015. No. 3. Pp. 278–283. In Russian.

Novichkova T. A. (2001) Epos i mif [Epic and Myth]. St. Petersburg: Nauka. In Russian.

Fadeyeva L. V. (2004a) Rasskazy o blazhennykh i prozorlivykh v Inzenskom raione Ul'yanovskoi oblasti. Katen'ka Pyatinskaya [Stories About Saints and Visionaries in the Inzensky District of the Ulyanovsk Region. Katenka Pyatinskaya]. *Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristik* [Pressing Problems of Folklore Field Studies]. 2004. No. 3. Moscow. Pp. 200–217. In Russian.

Fadeyeva L. V. (2004b) Rasskazy o mestnochtimykh svyatykh: k probleme tsikla [Stories About Locally Venerated Shrines: On the Problem of the Cycle]. In: *Mater. VI Mezhdunar. shkoly molodogo fol'klorista (22–24 noyabrya 2003 g.)* [Proc. of the 4th International School of the Young Folklorist (November 22–24, 2003)]. Arkhangel'sk: Pomorskii gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Pp. 52–61. In Russian.

Tsekhanskaya K. V. (2007) Pochitanie moshchei svyatykh i mogil podvizhnikov blagochestiya: istoki i sovremennye formy [The Veneration of the Relics of Saints and Graves of Ascetics of Piety: Origins and Modern Forms]. *Traditsii i sovremennost'* [Traditions and Modernity]. 2007. No. 6. Pp. 20–36. In Russian.

Chistov K. V. (1967) Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv. [Russian Folk Socio-Utopian Legends of the Seventeenth–Nineteenth Centuries]. Moscow: Nauka. In Russian.

Shevarenkova Yu. M. (2012) Novomuchenitsa Dunyasha Suvorovskaya: zhitie ustnoe i knizhnoe [The New Martyr Dunyasha Suvorovskaya: Her Oral and Written Life]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 2012. No. 1. Pp. 11–14. In Russian.

Shnirel'man V. A. (2014) Mesta sily: Konstruirovaniye sakral'nogo prostranstva. Vvedenie k diskussii [Places of Power: The Construction of Sacred Space. Introduction to the Discussion]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2014. No. 5. Pp. 3–9. In Russian.

Shukurov R. M. (2010) Sozdanie sakral'nykh prostranstv. Dve novye publikatsii [The Creation of Sacred Spaces. Two New Publications]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine Annals]. 2010. Vol. 69. Pp. 370–374. In Russian.

© A. P. Lipatova, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Antonina P. Lipatova <https://orcid.org/0000-0002-9041-1342>

E-mail: antonina.antonina282@yandex.ru

Tel.: +7 (8422) 44-11-58

4/5, Lenin sq., Ulyanovsk, 432071, Russian Federation

PhD in Philology, Associate Professor, Russian Language, Literature, and Journalism, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)